РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО.
1900–1941 гг.

Статьи, документы

Москва
1999

042(02)1

В Сборнике представлены статьи и документы, раскрывающие различные аспекты взаимосвязи армии (вооруженных сил) и общества в истории России с начала XX века до Великой Отечественной войны. Публикуемые материалы отражают определяющее влияние общественных процессов на состояние вооруженных сил, взаимозависимость экономических, политических, геостратегических, социальных, духовных, научно-технических факторов в жизни армии и общества на различных этапах их развития. По этим проблемам в отдельном разделе Сборника впервые публикуются новые документы, извлеченные из фондов Государственного Архива Российской Федерации.

Редакционная коллегия:

В.П.Дмитренко (ответственный редактор),
Б.И.Зверев, Г.А.Куманев

ISBN 5-201-00622-1

© Институт российской истории РАН, 1999 г.

ВВЕДЕНИЕ

Первые десятилетия XX в. вошли в российскую и мировую историю как время бурных социальных катаклизмов и кровопролитных войн, которые потрясли государства, принесли народам огромные жертвы, изменили судьбы многих поколений. Чрезвычайно расширились и углубились процессы политизации российской армии и усиления социальной активности военнослужащих. Широкие армейские массы стали непосредственными участниками крупнейших общественно-политических событий.

Армия (вооруженные силы) была порождена обществом и никогда не существовала вне его особенностей и противоречий. Зависимость армии от политики и экономики, идеологии, науки и культуры всегда соседствовала с очень сильным обратным ее влиянием на все сферы общественной жизни. Поэтому развитие общества и армии неизменно отражало органическую взаимосвязь всех производительных сил и социальных отношений; в истории армии с особой наглядностью проявлялись и резюмировались основные черты истории гражданского общества.

Профессиональной спецификой армии являлось то, что ее главным предназначением было ведение вооруженной борьбы. Стремясь к незыблемости правовых основ общества, господствовавшие режимы не скрывали, что видят в армии свою вооруженную опору и гаранта установленных им законодательных порядков.

С самого начала XX в. усилилась зависимость армии от расстановки военно-политических сил на международной арене, особенно в периоды острых внешнеполитических кризисов, которыми так богата история всего столетия. Армия представляла собой главную силу, обеспечивавшую внешнюю безопасность государства и решение его внешнеполитических задач. Цели внешнеполитического курса, формирование военно-политических союзов и блоков, изменение геостратегических интересов и позиций во многом определяли характер военной политики и военной доктрины, масштабы и направленность

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
Архив РАН	– Архив Российской Академии наук (г. С.-Петербург)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (г. С.-Петербург)
Архив РАН	– Архив Российской Академии наук
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
ЦАМО РФ	– Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск)
РЦХИДНИ	– Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории
ИВИ	– Архив Института военной истории МО
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГВА	– Российский государственный военный архив
Архив ВММ МО РФ	– Архив военно-медицинского музея министерства обороны Российской Федерации (г. С.-Петербург)
ГАМО	– Государственный архив Московской области

СОДЕРЖАНИЕ

Введение		3
Тиморин А.А.	О взаимосвязи армии и общества. (Некоторые методологические аспекты)	12
Шацилло К.Ф.	Общество и вооруженные силы России в начале XX века	30
Базанов С.Н.	К истории развала русской армии в 1917 году	51
Гаврилов Л.М.	Истоки и финал демократизации русской армии	77
Молодцыгин М.А.	Социальный и национальный состав Красной Армии в годы гражданской войны	115
Клевцов В.Г.	Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30-х годов	138
Жиромская В.Б.	Демографическая характеристика армии и общества по переписям 30-х годов	185
Зверев Б.И.	Военная индустрия в экономической жизни общества накануне фашистской агрессии	192
Зинич М.С., Кнышевский П.Н.	Материальное положение населения и военнослужащих в довоенные годы	229
Гракина Э.И.	Роль российских ученых в обеспечении безопасности страны	252
Невежин В.А.	Размышления писателя о грядущей войне	270
Документы		294
Перечень использованных фондов ГАРФ		385
Принятые сокращения		386

М.А.Молодцыгин

СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

После свержения Временного правительства и победы Октябрьской революции в Петрограде вопрос о защите власти Советов приобрел особую остроту. В невозможности после победы революции использовать для защиты нового строя старую российскую армию советское руководство убедилось уже во второй половине декабря 1917 г. На многочисленных форумах шло обсуждение, какой должна быть новая армия, как ее называть*.

«С 1 января 1918 г. организуется новая социалистическая армия на новых началах, – отмечалось в газете «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России». – Такая армия безусловно необходима для защиты нашей революции». В тот же день, 12 января 1918 г. Третий Всероссийский съезд Советов декретировал «вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов»[1]. В принятом Советом Народных Комиссаров 15 января декрете название новой армии было уточнено: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»; ее верховным руководящим органом, согласно декрету, становилось правительство (СНК)[2].

Согласно декрету РККА должна была создаваться «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс»[3]. Представителям бывших господствующих классов, имущим гражданам оружие не доверялось, чтобы оно не могло быть направлено против нового общественного строя. Тео-

---

* По нашим подсчетам всего предлагалось 36 вариантов названий: от «Революционной Красной гвардии» и «Народно-социалистической рабоче-крестьянской гвардии» до «Добровольческой революционной армии» и «Социалистической народной армии».

ретически все представлялось ортодоксально правильным, но практически сделать это оказалось не так просто.

О возрастном и социальном составе армии. Человеческое общество, как известно, никогда не было однородным: оно всегда делилось на мужчин и женщин, взрослых и детей, обособленные племена и лиц разных занятий, затем — на различные народности и нации, наконец, на определенные классы и другие социальные группы. Статистика делит население любой страны, прежде всего, на городское и сельское, с учетом возраста. На 1 января 1914 г. из 178379 тыс. жителей России в городах проживало 26800 тыс.[4], что составляло 15,2%. Из материалов переписи 1920 г. (табл. 1), в которую вошли результаты опроса только гражданских лиц, видно, что к городскому населению относились 16,8% опрошенных, к сельскому — 83,2%. Из общего состава населения участников империалистической войны — горожан было 26,4%, сельских жителей — 24,5%, а участников гражданской войны — соответственно 13,6% и 6%. В первом случае — результаты подсчета близки по величине, во втором — разнятся более, чем в 2 раза. Это, на наш взгляд, лишний раз подчеркивает превалирующую активность рабочего класса и поддержавшей Советскую власть части ремесленников и мелких служащих в годы гражданской войны.

Таблица 1

Возрастной состав участников империалистической и гражданской войн[5] (по переписи 1920 г.*)

Возрастные группы	В империалистической войне 1914–1917 гг.				В гражданской войне 1918–1920 гг.			
	Абсолютные данные		В процентах		Абсолют. данные		В процентах	
	Всего населения	Участвовало в войне	Всего населения	Участвовало в войне	Участвовало в войне		Всего населения	Участвовало в войне
1	2	3	4	5	6		7	8
Городское население								
15-19 лет	347830	1351	15,2	0,2	16165		15,2	5,2
20-29 лет	534333	236944	23,3	39,2	177036		23,3	57,0
30-39 лет	538137	238238	23,4	39,4	911187		23,4	23,3
40-49 лет	430880	119565	18,8	19,8	23250		18,8	7,5
50 лет и старше	439395	7971	19,1	1,3	2663		19,1	0,9
Неизв. возраст	5154	528	0,2	0,1	400		0,2	0,1
Итого	2295729	604597	100	100	310701		100	100

* Переписью была охвачена Европейская часть РСФСР: (Москва и Петроград, 5 автономных республик, 3 автономных области и 35 областей).

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население							
15-19 лет	2133512	2490	18,8	0,1	29254	18,8	4,3
20-29 лет	1388244	594247	12,2	21,3	366654	12,2	53,99
30-39 лет	2100163	1213049	18,5	43,55	217247	18,5	31,98
40-49 лет	2209006	926124	19,44	33,24	62205	19,44	9,1
50 лет и старше	3524151	49253	31,0	1,8	3788	31,0	0,6
Неизв. возраст	7219	370	0,06	0,01	205	0,06	0,03
Итого	11362295	2785533	100	100	679353	100	100
Все население	13658024	3390130	100	100	990054	100	100

Если сравнить общие данные переписи со сведениями Комитета по демобилизации, полученными в феврале 1918 г. из V армии бывшего Северного фронта, то результаты окажутся близки к приведенным выше: в деревню изъявляли желание поехать после увольнения 86,02% демобилизованных, в город – 11,66%, остаться в прифронтовой полосе – 2,32% от общего числа опрошенных (126204 чел.)[6].

Из табл. 1, в которую включены данные о возрастном составе участников войн, видно, что среди участников гражданской войны из городской молодежи (в возрасте до 29 лет) – 62,2%, из сельской – 58,3%. В империалистической же войне участвовали соответственно 39,4% и 21,4%. При сопоставлении этих данных напрашивается вопрос: если речь шла об участниках гражданской войны, уже не являвшихся военными (очевидно, без определения – на чьей стороны они воевали), то каков был возрастной состав функционировавших Красной Армии и Красного Флота? Ответ на этот вопрос можно получить из итогов переписи Советских вооруженных сил, проводившейся 28 августа 1920 г. одновременно с общей переписью[7]. Данные этой переписи дают необходимые материалы для расчета возрастного состава РККА. На 28 августа 1920 г. в Красной Армии лиц в возрасте до 19 лет насчитывалось 14,4%, 20-29 лет – 65,8%, 30-39 лет – 18%, 40-49 лет – 1,5%, 50 лет и старше – 0,3%[8]. Из этого следует, что в последние месяцы 1920 г. Красная Армия значительно помолодела (по сравнению со старой армией к концу империалистической войны).

Свыше 80% состава РККА принадлежало мужчинам и женщинам в возрасте до 29 лет (женщин участвовало в переписи всего 65836 чел., или 2,2% от всех учтенных военнослужащих[9]). И еще один немаловажный фактор: по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. в мировую войну в войска было призвано 22% мужского населения, а в течение гражданской войны – по переписи 1920 г. – всего около 11% мужчин[10]. Тем не менее, с учетом убыли в период империалистической войны, это процент немалый.

Анализ документальных источников позволяет раскрыть в общих чертах картину социального состава населения и вооруженных сил в 1919–1921 гг.

Что касается классового состава населения РСФСР, то по сведениям ЦСУ на ноябрь 1919 г. в отношении 55 млн чел., он выглядел следующим образом: рабочие – 11,3% (в 1913 г. – 14,6%), служащие – 5,7% (в 1913 г. – 2,4%), единоличное крестьянство и мелкая буржуазия города – 72% (в 1913 г. – 66,7%), эксплуататорские классы – 11,0% (в 1913 г. – 16,3%)[11]. В сведениях ЦСУ отсутствовали данные об обобществленных крестьянских хозяйствах (на 1 ноября 1919 г. в 36 губерниях Европейской России уже имелось 6336 различных коллективных хозяйств с числом едоков 420 тыс. чел.)[12]. По имущественному положению принято считать, что 65% крестьянских хозяйств были бедняцкими, 20 – середняцкими и 15% кулацкими[13].

В понятии «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот» отражался их основной классовый состав. Председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д.Троцкий на 7 Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. объяснял, что Красная Армия – это не «общенародная» и не «общенациональная», а это «армия трудящихся классов, которые борются за пересоздание всего общественного строя»; она отражает общий режим, характеризующийся «политическим господством рабочего класса, опирающегося на широкие массы крестьянской бедноты и трудового крестьянства»[14].

В советской историографии классовый состав вооруженных сил на конец 1920 г. обычно определялся так: 14,9% рабочих, 77,4% крестьян, 7% служащих, 0,7% прочих[15]. Но при проведении переписи в Красной Армии 28 августа 1920 г. не выделялись крестьяне, а указывались «хозяева без наемных рабочих», «помогающие члены семьи» и «хозяева с наемными рабочими», т.е. мелкая буржуазия города и деревни в целом. С учетом социальной специфики необходимо, на наш взгляд, отделить крестьян от мелкой буржуазии города и уточнить классовый состав вооруженных сил. Соотношения между различными социальными группами и расчеты по отдельным войсковым объединениям и регионам по данным

Всероссийской переписи от 28 августа 1920 г. представлены в табл. 2.[16]

Таблица 2

Социальный состав Красной Армии и Флота по данным Всероссийской переписи 28 августа 1920 г.[17] (в % к общему количеству людей)

	Рабочие	*Служащие*	*Крестьяне*	*Городская мелкая буржуазия*	*Представители эксплуататорских классов*
РККА в целом	14,7	7,0	75,0	2,7	0,6
В том числе:					
Стрелковые дивизии полевых войск	16,2	7,8	72,3	3,0	0,7
Штабы фронтов с подчиненными частями	16,8	10,3	69,0	3,1	0,8
Трудовые армии	11,2	5,7	80,0	2,6	0,5
Тыловые войска нечерноземных губерний	12,1	6,1	79,1	2,0	0,7
Тыловые войска черноземных губерний	11,4	4,4	79,5	4,1	0,6
Флот	28,8	9,8	58,4	2,4	0,6
Доля в населении России подлежащих призыву	12,7	6,5	80,8		-

При анализе таблицы нельзя не обратить внимания на то, что доля выходцев из рабочих более всего на флоте – за счет специалистов, требующих умелого обращения с техникой и механизмами. Из сухопутных войск процент рабочих наибольший во фронтовых управлениях и частях на участках решающих сражений.

В целом сравнительный анализ показывает, что социальный состав Красной Армии почти совпадает с соответствующими группами населения в целом. Это совпадение

особенно заметно по графе «тыловые войска нечерноземных губерний», т.е. центра России.

В составе командных кадров РККА превалировали крестьяне: из 217 тыс. чел. на конец 1920 г. они составляли 67,3%, тогда как рабочие всего 12%. Среди лиц среднего, старшего и высшего комсостава насчитывалось 17,2% рабочих и 48,5% крестьян[18]. Еще более отличаются данные о социальном положении ответственных работников аппарата Наркомвоена и Реввоенсовета Республики (Полевого штаба, Всероглавштаба, Главного управления Всеобуча, Центрального управления снабжения и др.). Из подсчета обнаруженных нами в архиве 111 анкет следует: к рабочим принадлежали 37%, к крестьянам – 2,7%, к служащим – 45%, к военнослужащим – 5,4%, к учащимся – 10,8%[19]. По рассчетам А.Г.Кавтарадзе, в годы гражданской войны в РККА служили около 75 тыс. военных специалистов, основную массу которых (свыше 65 тыс. чел.) составляли бывшие офицеры военного времени[20]. К 1 января 1921 г. среди комсостава насчитывалось 12 тыс. бывших «белых», в течение года к таковым прибавилось еще 2390 чел. По данным Наркомвоена из общего их числа четыре тысячи было передано в Наркомтруд[21].

Последовавшее в 1921 г. большое сокращение вооруженных сил не могло не повлиять на их состав. В материалах фонда председателя РВСР содержатся данные о социальном составе Красной Армии и Флота на декабрь 1921 г. Сведения для РВСР подавались по упрощенной схеме: рабочие, крестьяне, прочие (см. табл. 3).

Таблица 3

Социальный состав Красной Армии и Флота на конец 1921 г.[22] (в % к общему количеству людей)*

Военные округа и флоты	*Всего людей, о которых есть сведения*	*Социальный состав*		
		Рабочие	*Крестьяне*	*Прочие*
Петроградский воен. округ	82991	24,9	60,9	14,2
Орловский воен. округ	35843	15,8	69,0	15,2
Приволжский воен. округ	52769	20,1	67,8	12,1
Приуральский воен. округ	48545	15,6	73,3	11,1
Северо-Кавказский в.о.	76740	17,0	71,9	11,1
Харьковский воен. округ	68851	18,4	74,8	6,8
Киевский воен. округ	102606	11,6	44,7	43,7
Украинский ПУР	22396	25,0	60,7	14,3
Вост.-Сибирский воен.округ	48763	10,6	79,7	9,7
Западный воен. округ	95260	18,0	71,8	11,2
Туркестанский фронт	18887	18,1	71,1	10,8
Балтийский флот	35269	36,9	51,7	11,4
Северный флот	1850	15,6	59,2	25,2
Флот Черного и Азовского морей	11140	39,9	39,5	20,6
Итого по армии и флоту	701960	18,7	65,2	16,1

Из таблицы видно, что доля крестьян в вооруженных силах уменьшилась, а рабочих возросла.

* По ряду округов сведений не обнаружено.

С окончанием гражданской войны, когда началось массовое сокращение РККА первоочередной задачей стало сохранение наиболее ценных командных кадров. На заседании РВСР 1 января 1921 г. было признано необходимым «произвести отбор наиболее выдающихся, отличившихся и подготовленных командиров для войсковых единиц, начиная с полка»[23]. 24 марта РВСР создал комиссию «по вопросу о регистрации, оценке и перегруппировке командного состава»[24]. Численность командного состава не претерпела в 1921 г. серьезных изменений и приближалась к 200 тыс. чел., из которых 887 чел. – высшего комсостава, 7766 – старшего и 63900 – среднего[25]. Число военно-учебных заведений за 1921 г. выросло с 160 до 217[26]. Социальный состав курсантов включал большинство представителей основных трудящихся классов: третья часть курсантов относилась к рабочим, до половины – к крестьянам, остальные – к служащим[27]. В последующие годы рабочая прослойка в военно-учебных заведениях увеличилась, что отражало общую тенденцию в социальном составе командиров РККА.

Национальный состав. Российское государство, как известно, издревле было многонациональным. Рабоче-крестьянское правительство уже в ноябре 1917 г. в «Декларации прав народов России» провозгласило, что только в результате прочного союза наций «могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии»[28].

Декретом Совнаркома от 15 января 1918 г. о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии не предусматривалось никаких национальных ограничений для вступления в РККА. В подготовленном Э.М.Склянским проекте декрета говорилось о возможности вступления в Красную Армию всех «без различия национальностей». Но в ходе обсуждения 15 января на совещании фронтовых делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов эти слова были исключены[29].

Месяц спустя Коллегия Наркомнаца в решении «Национальные Комиссариаты и Красная Армия» отметила, что появилась возможность создания национальных красноармейских частей[30].

В феврале 1918 г. выступил с воззванием о вступлении в РККА военный отдел Белорусского национального комиссариата[31]; молдавских крестьян призвали «под знамена трудовой крестьянской Красной Армии» Бессарабский Центральный исполнительный комитет и военно-революционный комитет 8-й армии[32]; активную деятельность по набору добровольцев развернули местные органы в Закавказье, Дагестане и Терской области[33]. В марте 1918 г. во многих местных газетах национальных районов было помещено указание за подписью народного комиссара по делам национальностей И.В.Джугашвили-Сталина, что «Армянские революционные организации имеют право свободного формирования армянско-добровольческих отрядов»[34]. Хотя Сталин явно не отличался особой любовью к армянскому народу, он просто отвечал на ряд запросов, декларируя допустимость национальных формирований. В марте же в Казани начала формироваться 1-я мусульманская дружина, в которой в мае насчитывалось свыше 900 чел.; в это же время в Москве был сформирован Татаро-башкирский батальон РККА[35]. Наркомнац издал специальное постановление, которым организация штаба и создание мусульманских частей поручалась Центральному татаро-башкирскому комиссариату, при котором была образована военная коллегия, получившая наименование Центральной мусульманской военной коллегии[36].

7 мая 1918 года Коллегия Наркомнаца приняла постановление о том, что национальные воинские части могут быть созданы на территории, где проживают отдельные нации (Украина, Башкирия, Армения и т.д.). Образование национальных отрядов из беженцев и эмигрантов допускалось лишь в порядке исключения (примером могут служить латышские отряды в центральных районах страны) при полной гарантии партийных органов и соответствующих национальных комиссариатов. что «данные отряды не попадут в руки националистов и буржуазии»[37]. Значение данного документа состояло в том, что в нем четко определялись основные принципы создания национальных частей, указывалось на необходимость обеспечения их абсолютной политической благонадежности, преданности рабоче-крестьянской

власти, подчеркивалась ответственность за это соответствующих партийных и государственных организаций.

В Прибалтике Литовский комиссариат по согласованию с Наркомнацем РСФСР приступил к созданию литовских национальных частей уже в феврале 1918 г. Литовский эскадрон участвовал в защите подступов к Петрограду в период наступления немецких войск. Латышская советская стрелковая дивизия была сформирована в середине апреля, а летом 1918 г. ряд ее полков сражались на Восточном фронте. То же можно сказать о 1-м Таллинском стрелковым полке, образованном из эстонцев. А 3-й Тартусский эстонский коммунистический полк воевал на Северном фронте против американо-английских интервентов[38].

В Туркестане создание добровольческих частей РККА из местного населения развернулось несколько позже и проходило в борьбе с антисоветски настроенной национальной буржуазией и феодалами. Лишь во второй половине июня 1918 г. 1-й съезд компартии Туркестана принял решение о начале организации «необходимой для защиты социалистической Родины Красной Армии из среды мусульманского пролетариата»[39]. Тогда же был сформирован 1-й Ташкентский национальный батальон.

Однако во время и в ходе добровольческого набора, наряду с тенденцией к созданию национальных формирований, действовала тенденция организации в национальных районах воинских частей из представителей трудящихся всех национальностей, т.е. на межнациональной основе. Еще в январе 1918 г. Революционный штаб по охране Бессарабии обратился с призывом вступать в народную молдавскую армию трудящихся «без различия национальностей»[40]. 2 марта 1918 г. Бакинский Совет принял решение об упразднении отдельных национальных частей и подчинении всех вооруженных сил власти Совета[41]. 19 марта на II Всеукраинском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов партия ППС (левица) сделала заявление о поддержке строительства единой Красной Армии и призвала польских пролетариев, находящихся на Украине, вступать в ее ряды[42]. В октябре 1918 г. конференция коммунистических организаций оккупированных областей Литвы признала необходимым группировать силы красноармейцев, «происходящих из оккупированных местностей..., по территориально-интернациональному принципу»[43]. Подобные факты можно было бы привести в отношении других национальных районов.

Таким образом, в первый же год существования Советской власти одновременно действовали обе тенденции: и к созданию национальных воинских формирований, и к преобразованию частей и соединений на межнациональной, интернациональной основе. В начале 1919 г. на Украине, в Белоруссии и Прибалтике одновременно с созданием своих государств были образованы крупные национальные войсковые соединения и даже объединения. По подсчетам В.И.Лопаева, к тому времени в составе национальных формирований советских армий находилось 150 тыс. украинцев, свыше 12 тыс. латышей, около 50 тыс. представителей мусульманских наций, 3-4 тыс. эстонцев и ряд других наций и народностей[44]. Многие формирования создавались не только путем добровольческого набора, но и путем мобилизаций.

Формирование воинских единиц из числа трудящихся — иностранцев осуществлялось путем добровольчества в течение всей гражданской войны. На базе сформированного еще в ноябре 1917 г. 1-го польского революционного полка в марте 1918 г. был создан 1 революционный полк Красной Варшавы. В апреле на Всероссийском съезде военнопленных была образована Центральная коллегия по формированию интернациональной революционной армии. Шел разбор поступавших заявлений, подбирались необходимые кадры[45]. Так, 22 апреля уполномоченным по формированию революционных отрядов из китайцев, работавших на заводах и рудниках Донбасса, был назначен Шен-Чит-Хо; командиром одного из отрядов формировавшегося тогда в Пензе 1-го Чехословацкого революционного полка стал К.Ф.Галанц, другого — Я.А.Штромбах, командиром 1-го Московского интернационального полка — Л.Винерман[46].

24 апреля 1918 г. «Правда» опубликовала сообщение об организации интернационального легиона РККА в Москве. В архиве сохранился подлинник разработанного тогда в Наркомвоене «Положения о социалистическом интернациональном легионе», подписанный Н.И.Подвойским. Доку-

ментом определялось, что легион «формируется путем добровольчества из числа сознательных революционных интернационалистов, говорящих на английском, французском, немецком или другом языке и стоящих на платформе защиты завоеваний Октябрьской революции и Советской власти»; взаимоотношения в легионе должны были строиться на основе высокой сознательности и революционной дисциплины; структура – по образцу строевых частей РККА; «начальник легиона» назначался Наркомвоеном; кроме особой формы одежды, на легион распространялись «общие основания, на которых организуются советские войска Красной Армии»[47].

27 апреля наркомвоен Л.Д.Троцкий наложил на представленном ему «Положении» резолюцию: «Приостановить до выяснения вопроса о национальных формированиях». При всей приверженности идее «международного социализма» (этот термин фигурировал в «Положении») вчерашний наркоминдел проявил максимум осторожности.

Что касается «вопроса о национальных формированиях», ему был посвящен приказ Наркомвоена от 24 мая 1918 г., в котором говорилось: «Учитывая опыт формирования войсковых частей из представителей разных народностей как входящих, так и не входящих в состав Республики, Народный комиссариат по военным делам предлагает на будущее время создавать национальные единицы не свыше роты (эскадрона или батареи) и самые формирования производить строго в пределах штатов, утвержденных установленным порядком для соответствующего рода войск»[48]. В июне 1918 г. была образована Комиссия по формированию интернациональных групп РККА при ВЦИК как преемница Центральной коллегии[49].

Вопросы о национальных и интернациональных формированиях постоянно находились в центре внимания Революционного военного совета РСФСР. Уже на первом своем заседании 6 сентября 1918 г. РВСР принял решение об организации в Туркестане единого Реввоенсовета, а вскоре провел совещание работников, прибывших из Туркестана[50]. Всего же на заседаниях РВСР специальные вопросы о национальных и интернациональных формированиях обсуждались

(по неполным данным) в конце 1918 г. – 4 раза, в 1919 г. – 23, в 1920 – 7 раз[51].

Многие постановления РВСР говорят, что у него фактически сосредоточилось управление военными делами не только России, но и в Белоруссии, на Украине, в прибалтийских государствах. К 1919 г. они имели официальную самостоятельность, но тем не менее обстановка поставила вопрос об узаконении их военного союза с Россией. История этого союза нашла отражение в научной литературе[52]. Напомним лишь, что совместное заседание ВУЦИК, Киевского губернского и уездного съезда Советов, представителей профсоюзов и фабзавкомов, принявшее резолюцию об объединении усилий всех советских республик для борьбы с общим врагом, состоялось 19 мая 1919 г.[53] А 1 июня Всероссийский Центральный исполнительный комитет принял известное постановление «Об объединении военных сил Советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии»[54]. Об этом постановлении довольно кратко упоминается в исторической литературе, приводятся лишь общие его положения. Попробуем несколько расширить представление о нем.

Когда в постановлении идет речь о попытках мирового капитала «задушить власть рабочих и крестьян», следует уточнение: «Отпор этой попытке вновь ввергнуть в рабство десятки миллионов русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и *крымских* (подчеркнуто нами – М.М.) рабочих и крестьян требует от них теснейшего объединения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и на смерть»[55]. Подчеркнутое нами слово не случайно попало в документ. Далее в нем идет речь о признании «независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма» и о необходимости «провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма...»[56]. В заседании ВЦИК 1 июня участвовали представители советских республик Украины, Латвии,

Литвы, Белоруссии и стало быть, они соглашались тогда с признанием независимости Крыма.

По нашему мнению, наряду с положительными сторонами постановления ВЦИК от 1 июня 1919 г. нельзя не отметить, что оно в значительной мере лишало советские республики самостоятельности, требовало жесткой централизациивоенного управления.

В апреле 1920 г. Временный ревком Азербайджана предложил РСФСР «вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом». Его просьба о присылке отрядов Красной Армии была удовлетворена. При формировании новой Азербайджанской Красной Армии широко использовался опыт и помощь Советской России[57]. Между РСФСР и Советским Азербайджаном был заключен договор о военно-политическом союзе, предусматривавший, в частности, объединение военной организации и военного командования[58]. На таких же основах строились в последующем взаимоотношения с советскими республиками Арменией и Грузией. Следует однако признать, что решающую роль в образовании закавказских Советских Республик сыграло пребывание на их территории соединений РККА.

Немалое значение в становлении Рабоче-Крестьянской Красной Армии как армии многонационального государства имело принятие Советом Труда и Обороны 10 мая 1920 г. решения о призыве на службу лиц нерусских национальностей Сибири, Туркестана «и других окраин» на равных основаниях с остальными гражданами РСФСР[59]. Привлечение к защите социалистического Отечества прежде угнетенных народностей в некоторой степени способствовало их культурному и политическому просвещению, укреплению боевой дружбы с другими народами[60]. В Северо-Кавказском военном округе с мая по 4 сентября 1920 г. было мобилизовано 23496 чел. 1901–1895 гг. рождения[61]. Среди них, надо полагать, было немало представителей местных национальностей.

Таблица 4

Национальный состав некоторых войсковых объединений РККА на 31 декабря 1920 года[62]

	Заволжский в.о.	*Приволжский в.о.**	*Приуральский в.о.*	*Северо-Кавказ. в.о.**	*6 армия Южного фронта*	*9 Куб. армия Кавказ. фронта*	*Туркфронт (без 1 А)*
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
Численность личного состава, о котором имеются данные	174231	133279	174988	79795	102683	120475	39545
Национальный состав (в %)							
русских	73,4	64,0	84,9	82,0**	74,7	74,0	62,4
украинцев	0,1	17,0	0,4	11,0	6,5	13,3	0,2
немцев	8,1	0,1	0,3	0,6	0,3	0,5	0,5
евреев	0,3	0,3	0,3	1,2	1,3	0,3	0,7
татар	9,2	8,3	8,0	1,6	3,0	3,5	2,92
латышей	0,1	0,05	0,2	0,3	7,1	0,3	0,08
башкир	0,01	0,35	0,02	0,03	–	–	–
поляков	0,29	0,1	0,18	0,7	0,8	–	0,5
прочих	8,5	9,8	5,7	2,57	6,3	8,1	32,7

1	2	3	4	5	6	7	8
В том числе:							
белорусов	0,5	–	0,01				
мордвинов	–	1,3	0,01		0,02		
марийцев	0,4	0,8	0,54		0,02		
удмуртов		0,34	1,5			0,3	
чувашей	0,25	6,01	0,03		1,1	0,9	
коми		0,01	0,03				
литовцев	0,01	0,02	0,01		0,01		
эстонцев	0,04		0,05		0,01		

* Сведения на август 1920 г. В материалах переписи – «Кавказ».
** Сведения на июль-октябрь 1921 г. Среди «прочих» значатся: абазинцы, аварцы, армяне, белорусы, грузины, ингуши, калмыки, осетины, чеченцы, чуваши, эстонцы.

Каков же был национальный состав РККА к концу гражданской войны? В литературе встречаются сведения, что на это время в ее рядах находилось 77,6% русских, 13,7% украинцев, 4% белорусов и 4,7% латышей, татар, башкир и других национальностей[63]. В таблице 4 помещены относительно полные данные о национальном составе РККА к концу 1920 г. Не трудно заметить некоторые особенности. Так, русских в Приуральском и Северо-Кавказском округах значительно больше, чем во фронтовых объединениях, особенно на Туркфронте. Зато на последнем – обилие «прочих» национальностей (очевидно, столь разнообразных, что это не могло уместиться в форму сведений).

Что касается уровня подготовки национальных формирований, то он был самым различным. Наблюдались случаи перехода на сторону противника; имели место уклонения от службы в Красной Армии по религиозным мотивам и под давлением зажиточных слоев населения, а то и в силу непонимания существа происходивших в стране изменений и необходимости защищать новую власть. Вместе с тем, было немало национальных частей, личный состав которых проявлял высокую дисциплину, необходимые морально-боевые качества, самоотверженность и героизм при исполнении боевых задач.

Убедительным показателем этого служит награждение ряда национальных частей Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК РСФСР. Среди них – Советский Литовский полк, 1-й Дагестанский стрелковый полк, 3-я Кавказская стрелковая дивизия, 1-й и 2-й Туркестанские кавалерийские полки и конно-стрелковые батареи 1-й и 2-й отдельных Туркестанских кавалерийских бригад, 44-я стрелковая Киевская дивизия, Узбекский кавалерийский полк и мн. др.[64]

После окончания гражданской войны – с 1921 г. – национальный состав советских вооруженных сил менялся довольно быстро в связи, с одной стороны, с увольнением в запас значительной части военнослужащих, с другой – в связи с образованием новых республик и созданием там своих национальных частей. Так, на 1 октября 1921 г. нацио-

нальный состав в Красной Армии и Флота выглядел по установленным тогда графам следующим образом: русских – 80,4%, украинцев – 10,5%, немцев – 0,05%, евреев – 1,3%, татар – 2,7%, латышей – 0,6%, башкир – 0,5%, поляков – 0,7%, прочих – 2,8%. Самый высокий процент русских был в Морских силах Северных морей (94%), а также в Московском, Петроградском и Орловском округах (св. 91%), украинцы преобладали, естественно, в Киевском (32,5%) и Харьковском (22,2%) округах, большой процент их был в Северо-Кавказском округе (12,2%) и в Отдельной Кавказской армии (9,6%), значительно меньше – в Петроградском, Приуральском округах и на Северных морях (немногим более 2%). Татар больше всего служило в Приволжском округе (9,5%), Приуральском (5,2%) и на Туркестанском фронте (5,2%)[65]. Последнее объясняется использованием формирований в среде, близкой по языку и обычаям.

В Закавказье советское военное строительство только начиналось. На 15 декабря 1921 г. в строевых частях вооруженных сил закавказских республик насчитывалось: в Азербайджанской Красной Армии – 6949 чел., в Армянской Красной Армии – 5690 чел., в Грузинской Красной Армии – 5679 чел., всего – 18318 чел., имевших на вооружении кроме личного оружия 464 пулемета, 64 орудия, 25 аэропланов, 6 бронепоездов, 4 бронемашины и 2 танка[66].

26 декабря 1921 г. Азербайджанская, Армянская и Грузинская республики совместно с Белоруссией и Украинской республиками выступили на IX Всероссийском съезде Советов с заявлением, в котором, в частности, говорилось, что «в нынешних международных условиях самым действенным средством обеспечения независимости советской территории, возможности восстановления ее хозяйства и предупреждения новых ударов извне и попыток возрождения гражданской войны внутри, является всемерное укрепление мощи Красной Армии, поднятие ее техники, улучшение материального положения как рядовых красноармейцев, так и командно-комиссарского состава»[67].

Это заявление было новым выражением стремления народов к военному единству, необходимому для защиты от общего врага. Дружба народов в годы войны была одним из решающих условий победы над объединенными силами врагов.

Приведенные данные еще раз подтверждают, что к концу гражданской войны Красная Армия и по социальному, и по национальному составу мало отличалась от советского общества в целом, являлась его своеобразным отражением. Эта же тенденция сохранялась на всех последующих этапах советского военного строительства.

В заключение отметим, что за последние годы значительно расширяются возможности для научного, объективного исследования многих проблем гражданской войны. Перед историками открываются ранее закрытые архивные фонды, стала реальной толерантность различных мнений, отказ от многих ранее господствовавших штампов и стереотипов в оценке общественных явлений, раскрытие имманентно присущих им противоречий. Большой научный интерес представляют, в частности, сравнительный анализ социальных, политических и военных структур обеих противоборствовавших сторон, характеристика классового и национального состава белых армий и антисоветских формирований, их социально-политической и военно-экономической базы, зависимости уровня боеспособности частей и соединений от морально-психологических факторов. Глубокое изучение этих и других взаимообусловленных проблем взаимосвязи армии и общества должно способствовать созданию полной и многосторонней картины гражданской войны как одной из сложнейших и вместе с тем драматических страниц отечественной истории.

---

1 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 342.
2 Там же. С. 357.
3 Там же.
4 Малая Советская энциклопедия. М., 1920. Т. 7. Стб. 409.
5 Итоги переписи населения 1920 г. (Изд. ЦСУ СССР). М., 1928. С. 10.
6 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 13; Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Флот. 23 февраля. № 21. 1918.
7 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 150; Ф. 33988. Оп. 1. Д. 347. Л. 13.
8 Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 г. (Серия 1, выпуск 1 работ Отдела Военной статистики). М., Б. д.

С. 18-19. Суммирование по возрастам произведено нами для удобства сравнения.

9 Там же. С. 22.

10 Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917-1920. М., 1976. С. 333.

11 Там же. С. 332.

12 История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917-1927. М., 1986. С. 107.

13 Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 304.

14 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. 5-9 декабря 1919 г. М., 1935. С. 82.

15 См.: *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920). М., 1968. С. 347. Эти данные вошли в энциклопедические издания и в труды многих авторов.

16 Подр. см.: *Молодцыгин М.А.* Рабоче-крестьянский союз. 1918–1920. М., 1987. С. 214-216.

17 Там же. С. 216.

18 Там же. С. 217.

19 РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 366. Л. 2-223.

20 *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 222.

21 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45 об.

22 Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 150. Л. 254.

23 Там же. Ф. 4. Оп. 18А. Д. 4. Л. 2.

24 Там же. Л. 14.

25 Там же. Оп. 5. Д. 89. Л. 45 об.

26 Советские Вооруженные силы. История строительства. М., 1978. С. 139.

27 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 39 об.

28 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

29 См.: РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

30 *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950. С. 77.

31 Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918–1920. Сб. док. и матер. Минск, 1968. Т. 1. С. 33.

32 Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сб. док. и матер. Кишинев, 1967. С. 134.

33 РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 71. Л. 101.

34 Цит. по: Возрождение (Харьков). № 11. 1918. 24 марта.

35 *Гиззатуллин И.Г.* Защищая завоевания Октября. Центральная мусульманская военная коллегия. 1918–1920. М., 1979. С. 48-49.

36 Там же. С. 22, 47.

37 Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917 – сент. 1920. М., 1920. С. 163.

38 См.: *Силин Н.Т.* Об участии народов Советской Республики в организации Красной Армии и в защите социалистического Отечества в 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против

иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. М., 1956. С. 469-470; Уездно-городские партийные организации Киргизии (1918–1924). Сб. док. и матер. Фрунзе. 1968. С. 34.

40 Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. С. 40.

41 Образование СССР. 1917–1924. Сб. док. М.-Л., 1949. С. 87.

42 Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). Сб. док. и матер. Киев, 1962. С. 72.

43 Борьба за Советскую власть в Литве в 1918–1920 гг. Сб. док. Вильнюс, 1967. С. 33.

44 *Лопаев В.И.* Военно-политический союз советских народов в первый год диктатуры пролетариата. Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. М., 1971. С. 18.

45 См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 234-237.

46 РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 134. Л. 65.

47 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 253.

48 Там же. Дело приказов за 1918 г. Опубл. в Известиях Наркомвоена. № 39. 1918. 16 июня.

49 *Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 20.

50 Здесь и в дальнейшем, учитывая возможности статьи, нами не даются сноски на документы РВСР, полученные из соответствующих дел в РГВА.

51 Эти данные подсчитаны нами по «Справочнику к протоколам заседаний Революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик за 1918–1926 г.», хранящемуся в РГВА.

52 См.: *Кляцкин С.М.* На защите Октября. М., 1965. С. 378-390; *Кораблев Ю.И.* В.И.Ленин и защита завоеваний Великого Октября. Изд. второе. М., 1979. С. 491-505; Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 84-85; и др.

53 Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сб. док. и матер. В 3-х т. Киев, 1967. Т. 2. С. 62-64. В декрете от 1 июня ошибочно названа дата 18 мая.

54 Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 260.

55 Там же.

56 Там же.

57 См.: *Стеклов А.* Красная Армия Азербайджана. Баку, 1928. С. 8-9.

58 Из истории гражданской войны в СССР. 1928–1922. Сб. док. и матер. Т. 1-3. М., 1961. Т. 3. С. 462-463.

59 Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917 – XI – 1920. М., 1920. С. 163-164.

60 *Кораблев Ю.И., Молодцыгин М.А.* Советские Вооруженные силы – воплощение ленинских идей дружбы и братства народов СССР // Вопросы истории КПСС. 1972. № 12. С. 61-62.

[61] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) сб. док. Т. 1-4. М., 1978. Т. 4. С. 273.
[62] См.: *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* Становление РККА как армии дружбы и братства народов // Боевое содружество советских республик. 1919–1922 гг. М., 1982. С. 25. В помещенную там табл. внесены изменения: за счет исключения сведений по Украине включены данные по Северо-Кавказскому военному округу.
[63] *Гречко А.* На страже Союза Советских Социалистических республик // Военно-исторический журнал. 1972. № 12. С. 5.
[64] См.: Боевые подвиги частей Красной Армии (1918–1922 гг.). Сб. док. М., 1957. С. 31, 108, 182-184, 197, 213 и др.
[65] РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 19. Л. 151-154.
[66] Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2147. Л. 126 об. – 127.
[67] Образование СССР. 1917–1924. С. 258.

В.Г.Клевцов

СОЦИАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 20-30-х годов

В отечественной истории на различных этапах экономического, политического и социального развития государства неоднократно проводились коренные изменения и преобразования в военном строительстве, в сфере решения оборонных задач в целом (реформы Ивана IV в середине XVI в., Петра I в первой четверти XVIII в.; Д.А.Милютина в 60–70-х гг. XIX в., в 1907–1912 гг. после русско-японской войны). В советский период после создания РККА были проведены реформы в 1923–1925 гг. и накануне Великой Отечественной войны, сыгравшие важную роль в развитии Вооруженных Сил.

Общим для этих реформ была ориентация прежде всего на совершенствование боевого элемента армии: оснащение ее современными техническими средствами борьбы, использование более рациональных способов комплектования людс-

кими ресурсами, изыскание наилучшей организационной структуры войск, приемов и способов вооруженной борьбы и др. Однако, как правило, социальная сторона обустройства армии отодвигалась на второй план и не находила полного разрешения.

Прежде всего необходимо отметить, что первая после создания РККА советская военная реформа 1923–1925 гг. по своим экономическим причинам имела вынужденный характер, т.к. истощенное первой мировой и гражданской войнами народное хозяйство Советской России не могло выдержать тяжести содержания современной боеспособной армии. После окончания гражданской войны и иностранной интервенции крупная отечественная промышленность производила почти в 7 раз меньше продукции, чем в 1913 г., по размерам добычи угля и нефти страна была отброшена к концу XIX в., по производству чугуна – к уровню второй половины XVIII в.[1] Большая часть металлургических, машиностроительных, оборонных заводов бездействовала или работала на ограниченную мощность. С другой стороны, временная стабилизация капиталистического хозяйства и международной обстановки снижали угрозу внешней безопасности СССР и на определенное время позволяли развернуть фронт работ по восстановлению народного хозяйства страны в условиях мирного строительства.

Содержание почти пятимиллионной армии в этих условиях ложилось непосильным бременем на экономику страны, отвлекало основную часть наиболее трудоспособного мужского населения от производительного труда и грозило тяжелыми социальными последствиями. Поэтому уже с 1921 г. началось последовательное сокращение Вооруженных Сил. В течение трех-четырех лет их численность была уменьшена более чем в 10 раз (доведена до 500 тыс. чел.). С точки зрения обеспечения обороноспособности страны это было очень радикальное и рискованное решение, но без него было невозможно проводить кардинальные социальные изменения на путях новой экономической политики.